

Научная статья

УДК 398.22(=512)(571.1/.5)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-3-153-164

ЧИСЛА ПЕРВОГО ДЕСЯТКА В ТУВИНСКОМ ЭПОСЕ (В СРАВНЕНИИ С ЭПИЧЕСКИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ)

М. В. Ондар

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: mengi89@yandex.ru

Аннотация. Целью представленной работы является изучение функционально-семантической особенности чисел первого десятка, которые употребляются в тувинском эпосе «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» в сравнении с эпосом тюрко-монгольских народов Сибири. Для достижения указанной цели в работе решается задача выявления чисел в эпических текстах алтайского, хакасского, шорского и бурятского народов и установления общих и специфических элементов в числовой символике, являющейся одним из компонентов описания национальных картин мира. Исследование было проведено на материале эпических произведений из академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В работе используются следующие методы: метод сплошной выборки числительных из рассматриваемых текстов, метод структурно-семантического анализа примеров, количественный метод, а также метод дистрибутивного анализа рассматриваемых примеров. На сегодняшний день в тувиноведении недостаточно изучены числа как языковые компоненты, несущие в себе определённую информацию, благодаря которой объясняются символы окружающей нас действительности, в связи с чем объясняется актуальность настоящего исследования. В работе применяется междисциплинарный подход, раскрывающий многозначность языковых элементов, в данном случае – числа, как лексической единицы. Научная новизна работы заключается в том, что в тувиноведении изучение чисел как когнитивной категории и как символов, участвующих в мировосприятии народа, на материале эпического текста ещё не было предметом самостоятельного исследования. Сравнительный анализ позволил выявить особенности функционирования и символической природы эпических числительных каждого народа, которые выступают формой трансляции информации, определяющей внутреннюю структуру самобытной культуры рассматриваемых народов.

В результате проведенного исследования было выявлено то, что в эпических произведениях используются числа первого десятка, имеющие значения сакральности, мистики, священности, бесконечности (счастья). С помощью метода сплошной выборки материала и его количественного анализа выявлено, что наибольшее количество чисел первого десятка обнаруживается в алтайском и бурятском текстах. Основные выводы, сделанные в ходе исследования, имеют перспективное продолжение в изучении всего корпуса фольклорных текстов тувинского народа с целью установления особенности языковой и фольклорной картин мира тувинцев.

Ключевые слова: тувинский фольклор; тувинский эпос; тюрко-монгольский эпос; число; символ; народная культура; традиционное мировосприятие; язык эпоса; многослойность земли; картина мира

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (<https://rscf.ru/project/23-18-00659/>)

Для цитирования: Ондар М. В. Числа первого десятка в тувинском эпосе (в сравнении с эпическими произведениями тюрко-монгольских народов Сибири). *Эпосоведение*. 2025;3(39):153–164. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-153-164>.

© Ондар М. В., 2025

© Ondar, M. V., 2025

Original article

Numbers of the first ten in the Tuvan epic (in comparison with the epic works of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia)

Mengi V. Ondar

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
e-mail: mengi89@yandex.ru

Abstract. The purpose of this work is to study the functional and semantic features of the numbers of the first ten, which are used in the Tuvan epic “Boktug-Kirish, Bora-Shээлэй” in comparison with the epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. To achieve this goal, the work aims to identify the numbers in the epic texts of the Altai, Khakas, Shor, and Buryat peoples and to establish the common and specific elements in the numerical symbolism, which is one of the components of the description of national worldviews. The study was conducted on the material of epic works from the academic series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”. The following methods are used in the work: the method of continuous sampling of numerals from the texts under consideration; the method of structural and semantic analysis of examples, the quantitative method, and the method of distributional analysis of the examples under consideration. To date, numbers as linguistic components that carry certain information have not been sufficiently studied in Tuvan studies, which explains the relevance of this research. The work employs an interdisciplinary approach that reveals the ambiguity of linguistic elements, in this case, numbers as lexical units. The scientific novelty of the work lies in the fact that in Tuvan studies, the study of numbers as a cognitive category and as a symbol involved in the people’s perception of the world, based on the material of the epic text, has not yet been the subject of independent research. The necessity of conducting this research is due to the fact that a comparative analysis will reveal the features of the functioning and symbolic nature of the epic numerals of each nation, which acts as a form of information transmission that determines the internal structure of the distinctive culture of the peoples under consideration.

As a result of the conducted research, it was revealed that the epic works use numbers of the first ten, which have the values of sacredness, mysticism, sanctity, infinity (happiness). The use of the method of continuous sampling of the material and its quantitative analysis showed that the largest number of numbers of the first ten is found in the Altai and Buryat texts. The main conclusions made during the study have a promising continuation in the study of the entire corpus of folklore texts of the Tuvan people in order to establish the features of the linguistic and folklore worldviews of the Tuvan people.

Keywords: Tuvan folklore; Tuvan epic; Turkic-Mongolian epic; number; symbol; folk culture; traditional worldview; epic language; multilayered land; worldview

Funding: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No 23-18-00659 “The Turkic-Mongolian World of Central Asia: linguistic, historical, ethnocultural processes in diachrony and synchrony” (<https://rscf.ru/project/23-18-00659/>)

For citation: Ondar, M. V. Numbers of the first ten in the Tuvan epic (in comparison with the epic works of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia). *Eposovedenie*. 2025;3(39):153–164 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-153-164>.

Введение

В последнее время изучение языка эпических текстов является одним из актуальных вопросов современных гуманитарных наук [1; 2; 3], процесс которого объясняется выявленными результатами, раскрывающими полную картину мира того народа, кому принадлежит изучаемый эпический памятник. И одним из элементов, играющих определенную роль в формировании любой картины мира, выступают числа, и их изучению посвящено немало работ. Интерес к вопросу использования и функционирования чисел вызван тем, что число, как базовая категория любой культуры, выполняет не только «утилитарно-прагматические функции, но и функции символические, связанные с описанием мира, конструированием картины мира» [4, с. 7].

В тувиноведении числа стали объектом изучения во многих работах. В первую очередь, числа рассматриваются в разделе «Морфология» фундаментальной работы Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха «Грамматика тувинского языка» [5], где авторами произведено систематическое описание фонетических и грамматических явлений в области числительных в тувинском языке. Далее числительные, как одна из самостоятельных частей речи тувинского языка, рассматриваются в учебном пособии «Современный тувинский язык», разработанном Ш. Ч. Сатом и Е. Б. Салзынмаа [6]. Необходимо отметить, что числа анализируются в научных статьях: Л. С. Кара-оол с реализацией лексического и этимологического анализа числительных в составе топонимов [7], Т. Г. Бочина [8], М. А. Бредис с выявлением семантики и символики числительных в фольклоре и фразеологии в ракурсе лингвокультурологии [9] и др. А также в тувиноведении существует совместная статья последнего автора с Сюэ Бохао, где проводится анализ тувинских фразеологических единиц и фольклорных текстов, куда относится и эпос, с числовым компонентом *чеди* 'семь' на материале тюркских, монгольских и китайского языков [10].

Кроме того, для проведения настоящего исследования были важны научные труды следующих ученых, выводы и наблюдения которых представлены в специальных исследованиях по числительным в эпосах тюрко-монгольских народов. Это «Числительные в олонхо: структура и семантика» Е. И. Избековой [11], «Особенности употребления числительных в тюркских эпосах» И. Н. Соровой и Ю. С. Лукиной [12], «Символика чисел в хакасском и тувинском языках» А. Н. Чугуновой [13], «Числовая символика в русском и хакасском языках» О. Д. Абумовой [14] и др.

Несмотря на достаточное количество научных трудов, изучение чисел не утрачивает своей актуальности по сей день в связи со своей практической неизмеримостью, поскольку числа хранят уникальные символы и их «свернуть», «развернуть» (по терминам Л. Л. Габышевой [15]) не так легко. Это объясняется тем, что числа являются одним из компонентов этнической культуры, которая все время «стремится упрятать генетически важное, сущностное как можно дальше в глубь времен, до которых взгляду исследователей трудно добраться» [16, с. 3].

В настоящей работе стремимся выявить семантическую и функциональную особенности чисел первого десятка, которые употребляются в эпическом тексте тувинского народа, что является целью представленной работы. Известно, что особенность определяется только благодаря сравнению, следовательно, мы привлекаем в качестве сравнительного материала аналогичные тексты из соседних регионов Тувы.

Так, материалом послужили эпические произведения из 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», инициатором создания которой является А. Б. Соктоев. Это следующие тексты: тувинский «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» в исполнении Манная Ооржака [17]; алтайский «Очи-Бала» в исполнении Алексея Калкина [18]; хакасский «Ай-Хуучин» в исполнении Петра Курбижекова [19]; шорский «Кан Перген» в исполнении Павла Кыдыякова [20]; бурятский «Аламжи Мэргэн» в исполнении Елбона Шалбыкова [21]. Переводы текстов с национальных языков на русский язык были осуществлены следующими учеными: тувинский текст А. В. Кудияровым; алтайский З. С. Казагачевой; хакасский В. Е. Майногашевой; шорский В. С. Кузнецовой; бурятский М. И. Тулохоновой. В настоящей работе используются примеры с русскими переводами, выполненными этими авторами, без каких-либо изменений, в связи с чем в дальнейшем в тексте не указываются авторы переводов.

В структуру «чисел первого десятка» входят числа *три, четыре, шесть, семь, восемь, девять*, которые обнаружены во всех текстах рассматриваемых народов. Основным признаком этих чисел является их функционально-семантическая роль, где данные числа используются в значении сакральности, священности, мистичности объектов.

Числа первого десятка в эпических текстах

Числительное три. Используемый в работе квантитативный метод позволяет обнаружить, что во всех рассматриваемых текстах число *три* является наиболее частотным. Несмотря

на употребление начальных чисел *один* и *два* в ряде первого десятка, мы открываем числовой ряд именно тройкой. По В. Н. Топорову, с которым мы абсолютно согласны, число *три* является основной константой «мифопоэтического макрокосма» [22, с. 630] и именно три «открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное число, ...<...> порождаемое с помощью осознанной процедуры ($1+2=3$)» [23, с. 21].

Многочисленное употребление числа *три* объясняется следующими факторами: во-первых, *три* отражает мифологическое сознание человека, в котором Вселенная делится на *три* мира: Верхний, Средний, Нижний. Во-вторых, *три* представляет собой «идеальную модель любого процесса, состоящего из *трех* этапов: начало – середина – конец (зарождение – развитие – угасание)» [24, с. 69]. И в народной культуре тувинского народа говорится, что жизненный путь человека строится по указанной модели, о которой тувинцы говорят, что у него в жизни имеется *три* *дой* ‘пир’. Так, тувинцы пируют, когда человек рождается, когда он выходит замуж / берет жену и во время его похоронного обряда. Эти *три* обряда, где он собирает многочисленный народ, символизируют жизненный период человека как *зарождение, развитие* и *угасание*.

Бурятский эпос о первом этапе *начала / зарождения* прекрасно показывает с помощью числа *три*: *Гушин-хаани гурьбида, / Гурбан сэеын булууда / Түрүн гаран яргабал* ‘На тех тридцати холмах, / На перепутье трех сторон / Родился и зажил счастливо’ [21, с. 58–59]. Так, главный герой рождается на тридцати холмах, где *тридцать* образуется от *три*, а также на перепутье *трех* сторон. Л. Раденкович отмечает, что *три* имеет женское начало «триада уже в неолите изобразилась в виде треугольника, который символизировал женский <...> орган» [24, с. 70], тем самым указывая на начало *рождения* и новой жизни.

В алтайском эпосе в зачине *три* обнаруживается в сочетании слов *три поколения, три дыхания*: *Ойно ло ойно, пай топчуурым, / Сенин кылын ыйлабазын, / Ойгорлорым угала, / Ончозы меге пыйанын айтсын. / Ыйелерге айдар сөзимди / Ыч тынышка једип ойно* ‘Играй, играй, мой заветный топчур, / Струна твоя пусть не стенает. / Мои [покровители] мудрые, слушая, / Свою хвалу пусть мне воздадут. / Чтобы мог [сказать] слово свое трем поколениям, / Три дыхания мне давая, играй’ [18, с. 82–83]. Здесь число *три* входит в структуру вступительной части эпического произведения, тем самым начиная рассказ о будущих подвигах богатыря. Как отмечают ученые, число три является одной из «главных основ структуры ранних мифологических представлений у тюркских и монгольских народов. С нею связано членение мифологического времени...» [14, с. 3].

Известно, что числа *шесть* и *девять* состоят из числа *три*: *шесть* (два раза три) и *девять* (три раза три). В эпических текстах было обнаружено, что числа *три, шесть, девять* используются вместе, тем самым образуя своеобразное повторение, предназначенное для активизации мифического сознания слушателя. Подобное было обнаружено в шорском тексте, где герой передвигается между небесами, а также слоями Неба. Его передвижения между небесами характеризуют могучесть и бесстрашность героя: *Ўстүнгүзү үш көктүң үстүве / Тарт салган ақ чивекти / Қаннаң қызыл қан чегрен ат / Алдыңғы азағын шапаан, / Кестиги кезин тегвеен, / Қара чағысқа ажып ал парвысты* [20, с. 105] ‘На высоте трех голубых небес / Белую нить натянули / Красно-игренивый конь, / Передними ногами ее не коснувшись, / Задними ногами ее не задев, / Один-единственный перескочил’ [20, с. 274–275]. И этот же герой может передвигаться между многими слоями Земли, где основными являются *третья, шестая* и *девятая* слои. Так, число *три* и образованные от него числа *шесть* и *девять* в эпическом тексте имеют отдельное символическое значение, отраженное в мифологии, которое сформировалось в результате восприятия и моделирования окружающего мира. Об этом известный этнограф Д. А. Функ отмечает следующим образом: «на Саяно-Алтае многослойное Небо известно, например, в мифологии южных таежных шорцев и челканцев; по материалам И. Д. Хлопиной (Старынкевич), последние считали, что существует *девять* небес; Ульген живет на девятом небе» [25, с. 101]. Таким образом число *три* и образованные от него *шесть* и *девять* определяют мифологический пласт

эпических произведений, что является одним из компонентов тюрко-монгольской эпической общности народов Центральной Азии.

Также *три* считается и мистическим числом. Согласно Л. Леви-Брюль, число *три* относится к числам, которые «окутаны мистической атмосферой» [26, с. 198] и в коллективных сознаниях оно выступает скорее мистической реальностью, чем арифметическая единица. Указанный автор в своей знаменитой работе «Первобытное мышление» возражает Г. Узенеру, утверждавшему о том, что число *три* «унаследован со времен, когда человеческие общества в счислении не шли дальше трех» [там же]. На это Л. Леви-Брюль пишет, что «ряд чисел заканчивается неопределенным словом, выражающим “много-множество”, которое в некоторых случаях затем становится совершенно определенным числительным – 5, 10, 20 и т. д. соответственно случаю» [там же]. То, что число *три* может передать значение множественности, было обнаружено в хакасском тексте. Например, в следующем примере *три* не указывает на количество персонажей, а под *три* подразумевается неопределенное количество богатырей, имеющих огромные силы: *Изеби чох Хыс Хан / Таг чили көббискен, / Талай чили таазыбысхан, / Ёс алыбына чоохтаан: / “Пу адайны тудыңар, – тин, – / Хостап чөрген хозончыларым! / Пу адайды өдир сал!” – тин турадыр. / Ёс улуг алып / Хан Миргенге тыныбысхан...* [19, с. 120, 122] – ‘У могучей Хыс-Хан [лицо в гневе] / Стало горою вспучиваться, / подобно великой реке, стала она бушевать, / Трем богатырям своим сказала: «Схватите эту собаку, – сказала, – / Мои телохранители! / Собаку эту убейте!» – сказала. / Три огромных богатыря / В Хан-Миргена вцепились...’ [19, с. 121, 123]. Здесь число *три* указывает на большое количество богатырей (их может быть больше трех – М. О.), которых побеждает главный герой Хан-Мирген. И указанный пример, содержащий число *три*, гиперболически характеризует силу эпического героя Хан-Миргена.

Числительное четыре. Во всех мировых культурах число *четыре* определяется как число, которое состоит из удвоения числа два: $\text{два} + \text{два} = \text{четыре}$.

В рассматриваемых тюркоязычных эпических текстах число *четыре* используется для указания сторон света, конечностей животных. Например: тув. *Адаан-мөөрей күзеп келген чүве болзуңза, / Иелерниң төрүп кагган / Дөрт мага-эът боду-биле көрүшкей бис аан* ‘Если прибыл, желая схватиться-сразиться со мной, / Давай померимся [силой] четырёх наших рук и ног, / Матерями рожденных’ [17, с. 482–483]; алт. *Көк пыкады төрт төр санын / Жаба күлүн пуулады* ‘Четыре конечности синего быка узлом натянула’ [18, с. 206–207]; хак. *Хан поэрах аран чулаң / Азыра чепче төзінде / Төрт азагы палгал тур* ‘Твой Кроваво-рыжий скакун, / [Стоит] у раздвоенной коновязи, / Четыре ноги его связаны’ [19, с. 92–93]; шор. *По төрт толук чер үстүн, полза, / Анаң чер эвире көрүн олурганым / Кайдиг краң чер үстү полвай* [20, с. 54] ‘Тогда стал я смотреть вокруг – / На все четыре стороны света / Что за земля / Моим двум глазам открылась’ [20, с. 263]. Из приведенных примеров алтайского и хакасского вариантов можно предположить, что, возможно образ четырех ног животных ассоциируются с четырьмя направлениями света, как элемента некогда функционировавшей зооморфной картины мира народов. Не случайными представляются и применяемые в формулах образы синего быка и кроваво-рыжего коня, по всей видимости, примыкающие к образу матери-Земли, также «участвующие» в моделировании горизонтальной структуры мира. Образ коновязи в хакасском варианте функционально моделирует вертикальную структуру мира в качестве «маленькой копии» Мирового древа.

По сравнению с указанными текстами, в бурятском тексте число *четыре* часто встречается в обозначении не только сторон света, но и в указании сторон жилища, в нашем случае – колокольни. Например, *Бэжир мүнгүн собоороо / Дүнъенэжи бодобо / Дүжирэжи тогтолойл* ‘Собор из узорчатого серебра – / У него четыре колокольни, / Четыре тысячи колоколов’ [21, с. 66–67]. Лексемы *собор*, *колокольни*, *колокола* являются заимствованиями с русской культуры, в описании которых часто используются число *четыре* и образованные от него такие числа, как *сорок четыре*, *четыре тысячи*. Приводим пример: *Газаа бээдээ гараба-ла. / Урда түбидө ошобо, / Гушин гурбан гурьбадаа / Дүшин дүрбэн дэнжитэй / Дүрбэ минган шагнууртай /*

Бэжир мунгун собоортоо / Осоо бээдэн орожи / Душин сажин зулайе / Шатаалдажи мургубэл – '[Агуй Гохон] выходит во двор, / Направляется в южную сторону, / Подходит к собору из узорчатого серебра, / У которого сорок четыре колокольни, / Четыре тысячи колоколов, / Который стоит на тридцати трех холмах. / Входит она в собор, / Зажигает свечу сорокосаженную / И говорит заклинание' [21, с. 174–175]. В семантическом плане в приведенных примерах четыре колокольни (вариант: сорок четыре колокольни) создают пространственную модель космоса по горизонтальной координате. А образ собора, стоящего на тридцати трех холмах, воспроизводит идеальный трехчленный эталон космологической модели по вертикальной координате.

Числительное шесть. Собранные материалы показывают, что число *шесть* может служить: для определения возраста, с которого начинаются действия главных персонажей, а также установления значения 'множественности'. Например, в алтайском тексте главным персонажам *шесть* лет. И с этого возраста они стали почитать свою родину Кан-Алтай как своего отца: *Алты јаиты пу тужунда / Ададый полгон Кан-Алтайы* 'С шести лет [две сестры] / Кан-Алтай как отца почитали' [18, с. 86–87]. Здесь интерес представляет то, что если у хакасского народа «время взросления мальчиков равно шести годам» [14, с. 5], то в алтайском эпосе, согласно Л. Раденковичу, в употреблении числа *шесть* скрыта специфика символического значения 'симметрии' [24, с. 61], которое выражается в следующем примере: *Эки јаиту тужунда / Энедий полгон кин-алтай* 'С двух лет они (главные героини – М. О.) стали пуповину земли как мать почитали' [18, с. 86–87]. Как отмечает В. Н. Топоров, четные числа в «различных архаических традициях связываются с женским началом (устойчивость, инертность)» [23, с. 138–139]. Подобное обнаруживается и в бурятском тексте, где Аламжи Мэргэну три (нечетное число) года, а его сестре два (четное число) года: *Аламжи Мэргэн хүбүүншин / Гунтай наһан боложи / Дүүрэн бээз бэлбэ; / Агуу Гоохон дүүхэйн-лэ / Хоёр наһаа дүүргэжи / Ажи түрүн яргабал* 'Аламжи Мэргэн молодой / В свои три года / в полную силу вошел, / Агуй гошон-сестрица / В свои два года / Жила спокойно и счастливо' [21, с. 70–71].

Следует указать, что в целом, в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов Центральной Азии Земля считалась матерью, а Небо отцом. Примечательно, что тувинцы и в настоящее время продолжают сохранять элементы тенгрианства в воззрениях, обращаясь к Небу и Земле словами: *Дээр – адам, Чер – ием* 'Небо – мой отец, Земля – моя мать'.

Также число *шесть* с функциональной точки зрения может использоваться в значении 'множественный' [11, с. 23]. Например, в хакасском тексте обильное застолье представлено следующим образом: *Алты сілекезінің идін / Алтын столга сал турадыр / Алты тазор арагазын / Алтын стол азагына чөлебіскен...* 'Мясо шести холощеных баранов / На золотой стол выложив, / Шесть тазоров вина / К ножкам золотого стола прислонив...' [19, с. 70–71].

Числительное семь. Это число в этнических культурах многих народов считается отражением Макрокосма, состоящего из трехмодельного мира и четырехсторонней Вселенной. Согласно В. В. Иванову и В. Н. Топорову, *семь* входит в структуру «благоприятных нечетных чисел (семь богов древнерусского пантеона)» [27, с. 452]. Значение «Семь богов» также обнаруживается и в монгольской культуре. Известная ученая по монгольской культуре и этнографии Н. Л. Жуковская отмечает, что «в шаманских призываниях «Семь старцев» (или «Семь богов» – М. О.) считается подателем счастливой судьбы. А монголы-буддисты называли семь звезд, входящих в состав «Семь богов», обозначали именами Будды Шакьямуни, бодхисаттвы мудрости Маньчжушри и пяти будд созерцания» [28, с. 177]. Также ею были изучены сакральная и магическая стороны данного числа, значение которых связано с природным явлением: «представление о всепронизывающей магической силе числа семь основано на его взаимосвязи с фазами и циклами Луны» [там же, с. 175].

В свое время С. Ю. Неклюдов отмечал о буддийско-шаманском синтезе в монгольских эпических текстах [29, с. 152], на формирование которого повлияло, в нашем случае, число *семь*. Например, *семислойная Замби-земля* [21, с. 205]. Выражение «Замби-Земля» (*улгун замби*

дайда) *замби* < *jambu* (из санскр. *Jambudvīpa*, название южного, обитаемого людьми континента в буддийской космографии) [30, с. 153]. Первый компонент рассматриваемого выражения *семислойная* является плодом шаманистического представления о многослойности трех миров. Помимо указания на семислойность места, обитаемого людьми, в тувинском тексте был обнаружен мотив скачек с дистанцией «обежать семь раз вокруг Замба-тиба-Ямба-дипа» [30, с. 196]. По мнению М. А. Бредис и С. Бохао, данное явление не случайное, поскольку гора Сумеру, вокруг которой располагаются четыре материка в мировом океане, где одним из них является Джамбудвипа, «отделена от мира людей семью горными хребтами, семью озерами. Символика числа семь переводит действие эпоса в сакральную плоскость» [10, с. 279].

В системе фольклора алтайского народа *семь* имеет мифическое значение. Как отмечают Т. М. Садалова и Т. Н. Паштакова, «вестником наступления потопа был синий козел с железными рогами. О наступлении потопа знали *семь* братьев-праведников» [31, с. 82]. В рассматриваемых эпических текстах *семь* используется в магических целях. В алтайском тексте было обнаружен пример: «Мой каан в гневе / <...> Вслед деве-богатырке / Семь раз плевался» [18, с. 255, 257], в котором отражается традиционное верование, где с помощью плевок можно устранить человека, тем самым победив его.

Как отмечают М. А. Бредис и С. Бохао, число *семь* в тувинских эпических произведениях «выражает понятия большого количества, неопределённого множества, определённого периода времени, создавая метафоры, не всегда обладающие сакральным характером» [10, с. 284]. Например: *Чеди чыл черни / Чеди ай болгаи хап чедип кээп-тир* ‘Семилетний путь / За семь месяцев преодолев, [к цели] стал приближаться’ [17, с. 474–475]. В примере числительное *семь* в качестве пространственного аспекта служит символом огромного расстояния. А в хакасском и шорском текстах число *семь* усиливает действия героев: хака. *Алып кизи Тимір Теекти / Алнына кире тартынып алган, / Алты-читі айланып, / Азах хагып, көдірген* ‘Богатыря Тимир-Теека / К себе потянул / Шесть-семь раз, изловчившись, / Ногой по его ноге ударив, поднял’ [19, с. 124–125]; шор. *Четтон чарык таптынга, / Четтон қан кестинге, / Четти қалық шел келип, / Сывысқалығ сынға кел шықты* [20, с. 154] ‘За пределы семидесяти светил, / За пределы семидесяти ханств, / В семь прыжков [конь] / На свистящий хребет поднялся [и видит]’ [20, с. 289–290]. Как видно, *семь* участвует в гиперболическом описании происходящих эпических событий.

Числительное восемь. По частоте употребления число *восемь* наиболее часто встречается в бурятском тексте (25 раз). Далее второе место по частоте употребления занимает тувинский текст, где *восемь* употребляется всего 7 раз. А в алтайском, хакасском и шорском текстах число *восемь* нами не обнаружено, за исключением шорского текста «Кан-Перген», где было использовано число *восемьдесят*, образованное от *восьми*, и, употребляющееся всего 2 раза.

В целом, бурятский текст богат числами, образованными от *восьми*. Это такие числа, как *восемьдесят*, *восемьдесят пять*, *восемьдесят восемь* и *восемьдесят тысяч*. То, что тувинский текст стоит после бурятского по частоте употребления числа *восемь*, связано с буддизмом.

Н. Л. Жуковская активное употребление *восьмерки* в монгольской культуре объясняет следующим образом: «*восемь* связано с буддийской традицией. Классический буддийский “восьмеричный путь” спасения, предложенный человечеству Буддой Шакьямуни, включал в себя “праведные воззрения”, “праведные устремления”, “праведную речь”, “праведное поведение”, “праведный образ жизни”, “праведное усердие”, “праведную память”, “праведное самоуглубление”. В Монголии на народном уровне популярно его символическое воспроизведение – повсеместно встречающееся в юртах изображение колеса с восемью спицами (хорло)» [28, с. 177]. Пример из эпоса «Аламжи Мэргэн» о *восьми* серебряных колесах в точности повторяют слова данного автора: *Малагааршанай үдэртэн / Найман харгай мориин / Найман мунгун мөөрөтэй / Нахир хоньор хорезтдон / Ухуряагаарин хулүүлжи / Газари Гахай бүхүдү / Илгүүлэжи байбал-даа* ‘На другой день / Запрягли парами / Восемь коней [для дальней] дороги /

В пружинящую приземистую карету / На восьми серебряных колесах / И отправили ее / За силачом земли Гахай' [21, с. 222–223].

В тувинском эпосе *восемь* используется в сакральном значении 'бесконечность', которое было заимствовано, на наш взгляд, от символического узла «Бесконечный узел», использующегося в тибетском буддизме. Число *восемь* так же, как бесконечный узел, не имеет ни начала, ни конца, в связи с чем он ассоциируется с буддийским узлом, вследствие которого появилось значение 'бесконечность'. И это значение 'бесконечности' в тувинском эпосе приняло значение 'множественности', в связи с чем *восемь* в «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» используется для выражения богатства и достатка хана и его приближенных. Например: *Оорганың кырында / Ийи ак өгнү тиккен / Бирээзиниң эжиинде / Сес буттуг ширээ кырында / Сес каът олбук салган. / Ооң кырында ак салдыг / Ак тоннуг Ай-каан деп кижиге олурган* – 'На том хребте / Две белые юрты поставлены были / В дверях одной из них / На восьминожном ширэ (столик – М. О.) / Восемь олбуков (ковры – М. О.) друг на друга положены были. / А на них – белобородый / В белом тоне (пальто – М. О.) Хюн-Хан восседал' [17, с. 340–341]. Функционирование числительного *восемь* в тувинском эпосе также может быть связано с трансляцией числовой полноты и совершенства мифологических образов. Например, в этом же эпосе конь, достигший зрелости, повествуется как *сес диштиг* (букв. 'конь, имеющий восемь зубов'), означающий 'полнозубость', 'взросление', 'зрелость': *Арт болган аңгайган-кеңгейген / Эзерин салырга, / Сес диштиг мал болган* [17, с. 310, 312] 'Положил седло с изгибом, / Подобный [пади между] перевалами, – / Полнозубым конем стал' [17, с. 311, 313].

Числительное девять. Считается, что во многих культурах девять является мистическим числом, в структуру которого входят сразу два многозначных (сакральных, мистических) четных и нечетных чисел: *два + семь*. Кроме того, *девять* является «последним из чисел первого десятка, поэтому оно одновременно и начало, и конец, т. е. граница, за которой начинается новый уровень счета» [24, с. 73]. В шаманском пантеоне монголов и бурят божества часто выступают группами по *девять*: «*девять* дочерей имеет Солбен-тэнгри (божество утренней зари), *девять* сыновей имеют Буха-нойон (тотемный первопредок булагатов и эхиритов – субэтносов в составе бурят), небесный кузнец Божинтой, группа “божеств войны” Далха состоит из *девяти* братьев» [28, с. 180]. Традиционное представление рассматриваемых народов о многослойности Земли ярко отражается в их фольклорных произведениях. Например, в шорском тексте многократно встречается пример о *девяти* слоях Земли: *Чазак кижилер партырлар. / Алтынгызы тогузон тамны / Қара тайақпа чара теп кел / Парывысқан полтурлар* [20, с. 88] 'Когда пешие люди шли, / Черными посохами своими / До девятого слоя [землю] продавливали, – / Так они прошли, оказывается' [20, с. 271]. Подобный пример нами не обнаружен в тувинском эпосе, однако, на наш взгляд, здесь следует привести в качестве примера магическое действие, связанное с древнейшим способом лечения различных болезней, недугов *домнаашкын* ~ *домнаары* 'прикосновение с целью оказать магическое действие (заговорить, вылечить)' [32, с. 474]. Во всех случаях целитель в конце обряда *домнаашкын* произносит следующие слова: *Тос каът чер адаанче кирзин!* 'Пусть уйдет [называет болезнь] под *девять* слоев Земли!'. Вариантом этого выражения может служить «*Чеди каът чер адаанче кирзин!*» 'Пусть уйдет [называет болезнь] под *девять* слоев Земли!'. Приведенные примеры иллюстрируют, что в обрядовой практике тувинцев *девять* в качестве эпитета объекта эпического мира (девятислойный), акцентирующего свойство нечетности, может указать на структуру вертикальной оси эпического мира. Согласно исследованию Э. Б. Мижит, представления о девятислойности неба с небожителями-божествами, берущие корни с шаманской космологии, сохранились в текстах героических сказаний тувинцев [33, с. 169].

Пример, в котором отражена картина мира, содержит также число *девять*: алт. *Тогус түңей кара тайка / Пиригип өскөн јерде, / Алып јурты пу көрүнди* 'На месте, где сошлись / Девять одинаковых высоких гор, / Поселение алыпов виднелось' [18, с. 84–85]. Здесь *девять* символи-

зирует чистоту и священность высоких гор, которые до сих пор почитаемы в Алтае, тем самым показывая традиционную идентификацию алтайского народа.

В хакасском тексте *девят* используется в характеристике главного героя, тем самым указывая на его магические свойства и огромные силы. У него конь в длину в *девят* сажень и его жена имеет *девятилетний* возраст: *Тогыс хулас сунныг / Хан поэрах аттыг, / Алты часха чит парган / Хан Мирген туңмазы пар* [19, с. 62, 64] ‘Шести лет достигший, / Младший брат Хан-Мирген, / Который ездит на девятысаженном / Кроваво-рыжем коне’ [19, с. 63, 65].

Остальные числа, которые нами были обнаружены из группы «круглые числа», мы относим к разряду чисел, которые в эпосе используются в качестве средства интенсификации действия или гиперболизации объекта. В связи с этим, данные числа в рамках настоящего исследования нами не рассматриваются, однако они станут объектом изучения в нашей перспективе.

Заключение

Таким образом, анализ чисел в эпических текстах установил, что в семантическом плане числа первого десятка используются для передачи значений ‘мистики’, ‘сакральности’, ‘магичности’ и т. д. А в функциональном плане рассматриваемые числа выступают указателями сторон света, они участвуют в моделировании горизонтальной и вертикальной структур мира, в гиперболизации эпических событий, пространства и времени и т. д.

Общим для всех народов считается употребление чисел *три, шесть, семь, девять*, которые используются для определения мифологического пласта эпических произведений. Благодаря этим числам определяются количества слоев Неба и Земли в соответствии с традиционным мировоззрением рассматриваемых народов. При детальном анализе было обнаружено, что если в шорском тексте *девят* определяет количество многослойности земли, то в тувинском оно определяет слои неба. В алтайском *девят* в основном характеризует силу и мощь героя, а в бурятском тексте подобные примеры нами не были обнаружены.

Особый интерес для нас представляет число *восемь*, выражающее значения ‘бесконечности’ и ‘множественности’. В тувинском тексте значение ‘множественности’ является результатом изменения первоначальной семантики числа *восемь*, после чего возникло значение ‘множество’, т. е. ‘бесконечное множество’. И данное явление связано с буддизмом, в связи с чем объясняются отличительные элементы в употреблении числа *восемь* в тувинском эпосе от остальных тюркоязычных текстов. Кроме того, в тувинском тексте благодаря числу *восемь* эпический персонаж – конь достигает определенного возраста, позволяющего совершать дальнейшие деяния.

В целом, проведенный анализ чисел первого десятка в эпосах тюрко-монгольских народов показывает, что в дальнейшем необходим более детализированный анализ не только чисел первого десятка, но и всех чисел, которые употребляются в тувинском эпосе. Соответственно, подобная работа позволила бы восполнить существующий пробел в тувиноведении в области символики чисел в фольклорных произведениях тувинского народа.

Литература

1. Хроленко А.Т. *Введение в лингвофольклористику*: учебное пособие. Москва: Флинта, Наука; 2010:190.
2. Хертек Л.К. Лингвокультурный концепт запрет в тувинских героических сказаниях. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020;13(7):170–174.
3. Гергокова (Этезова) Л.С. *Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты»*. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ; 2015:140.
4. Ахметова М.В. От составителя. В кн.: Ахметова М.В. (ред.) *Числа в системе культуры*. Москва: Издательский центр РГГУ; 2012:7–8.
5. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. *Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология*. Москва: Изд-во восточной литературы; 1961:472.

6. Сат Ш.Ч., Салзыңмаа Е.Б. *Амгы тыва литературлуг дыл*. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери; 1980:240 (на тувинском яз.).
7. Кара-оол Л.С. Числительные в топонимах Тувы. *Oriental Studies*. 2019;(4):691–706.
8. Бочина Т.Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке. *Новые исследования Тувы*. 2023;(3):6–20. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>
9. Бредис М.А. Особенности семантики числа сто в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков). *Новые исследования Тувы*. 2024;(2):61–74. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.4>
10. Бредис М.А., Бохао С. Символика числа семь в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков). *Новые исследования Тувы*. 2023;(4):274–289. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>
11. Избекова Е.И. *Числительные в олонхо: структура и семантика*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2014:152.
12. Сорова И.Н., Лукина Ю.С. Особенности употребления числительных в тюркских эпосах (на примере якутского олонхо, башкирского кубаир, алтайского кай черчек). *Алтаистика*. 2022;(1):15–29.
13. Чугунекова А.Н. Символика числе в хакасском и тувинском языках (на материале фольклорных текстов). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;12(11):432–436.
14. Абумова О.Д. Числовая символика в русском и хакасском языках. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2013;6(6):3–6.
15. Габышева Л.Л. Семантические особенности слова в фольклорном тексте (на материале якутского эпоса олонхо): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: 1986: 19.
16. Чеснов Я.В. *Народная культура. Философско-антропологический подход*. Москва: «Канон +» РООИ «Реабилитация»; 2014:496.
17. Орус-оол С. М. (ред.) *Тувинские героические сказания. Хунан-Кара, Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей*. Новосибирск: Наука; 1997:584 (на тувинском и рус. яз.). (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12)
18. Гацак В.М. (ред.) *Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын*. Новосибирск: Наука; 1997:668 (на алтайском и русском яз.). (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15)
19. Короглы Х.Г. (ред.) *Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин*. Новосибирск: Наука; 1997:479 (на хакасском и рус. яз.). (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16)
20. Чудоякова А.И. (ред.) *Шорские героические сказания*. Москва, Новосибирск: Наука; 1998:463 (на шорском и рус. яз.). (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17)
21. Тулохонов М.И. (ред.) *Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон*. Новосибирск: Наука; 1991:312 (на бурятском и рус. яз.). (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
22. Топоров В.Н. Числа. В кн.: Токарев С.А. (ред.) *Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х томах*. Том 2. К–Я. Москва: Российская энциклопедия; 1994:629–631.
23. Топоров В.Н. *Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы*. Т. 2. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2010:496.
24. Раденкович Л. Символика чисел в народной магии южных славян. Ахметова М.В. (ред.) *Числа в системе культуры*. Москва: Издательский центр РГГУ; 2012:56–85.
25. Функ Д.А. *Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов*. Москва: Наука; 2005:398.
26. Леви-Брюль Л. *Первобытное мышление*. Москва: Академический проект; 2022:430.
27. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология. В кн.: Токарев С.А. (ред.) *Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х томах*. Том 2. К–Я. Москва: Российская энциклопедия; 1994:450–456.
28. Жуковская Н.Л. *Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие*. Москва: Восточная литература; 2002:247.
29. Неклюдов С.Ю. *Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный*. Москва: Индрик; 2019:592.
30. Бурыйкин А.А. Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок). *Новые исследования Тувы*. 2020;(3):189–209. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>

31. Садалова В.М., Паштакова Т.Н. Об отражении общего фонда алтайских мифологических образов в эпосе «Янгар». *Хоомей и культурное наследие народов Центральной Азии*. 2024;1(1):79–87. <https://doi.org/10.24412/3034-1418-2024-1-79-87>

32. Монгуш Д.А. (ред.). *Толковый словарь тувинского языка*. Новосибирск: Наука; 2003:596.

33. Мижит Э.Б. Тувинская традиционная космология в героическом эпосе. *Новые исследования Тувы*. 2010;(1):149-172.

References

1. Khrolenko AT. *Introduction to linguofolklore studies*: textbook. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ.; 2010:190 (in Russian).
2. Khertek LK. The linguocultural concept of prohibition in Tuvan heroic tales. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2020;13(7):170–174 (in Russian).
3. Gergova (Etezova) LS. *The language of the Karachay-Balkar heroic epic "Narty"*. Nalchik: Publ. Department of KBIHS; 2015:140 (in Russian).
4. Akhmetova MV. From the compiler. In the: Akhmetova MV. (ed.) *Numbers in the system of culture*. Moscow: RGSU Publ. Center; 2012:7–8 (in Russian).
5. Iskhakov FG., Palmbach AA. *Grammar of the Tuvan language. phonetics and morphology*. Moscow: Publ. House of Oriental Literature; 1961:472 (in Russian).
6. Sat GCh., Salzynmaa EP. *Modern Tuvan literary language*. Kyzyl: Tuvian Book Publ. House; 1980:240 (in Tuvan).
7. Kara-ool LS. Numerals in the Toponyms of Tuva. *Oriental Studies*. 2019;(4):691–706 (in Russian).
8. Bochina TG. Numerical and color code as a component of Tuvan riddles about a person. *The new research Tuva*. 2023;(3):6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>
9. Bredis MA. Features of the semantics of the number one hundred in the Tuvan linguistic culture (in the context of a number of Turkic and Mongolian languages). *The new research Tuva*. 2024;(2):61–74 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.4>
10. Bredis MA., Bokhao S. The symbolism of the number seven in the Tuvan linguistic culture (in the context of a number of Turkic, Mongolian, and Chinese languages). *The new research Tuva*. 2023;(4):274–289 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>
11. Izbekova EI. *Numerals in Olonkho: Structure and Semantics*. Yakutsk: NEFU Publ. House; 2014:152 (in Russian).
12. Sorova IN., Lukina YuS. Features of the use of numerals in Turkic epics (based on the Yakut Olonkho, Bashkir Kubair, and Altai Kay Cherchek). *Altaistics*. 2022;(1):15–29 (in Russian).
13. Chugunekova AN. The Symbolism of numbers in the Khakas and Tuvan languages (based on folklore texts). *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2019;12(11):432–436 (in Russian).
14. Abumova OD. Numerical symbolism in the Russian and Khakas languages. *Sayan-Altai scientific review*. 2013;6(6):3–6 (in Russian).
15. Gabysheva LL. *Semantic features of words in folklore texts (based on the Yakut epic olonkho)*: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 1986:19 (in Russian).
16. Chesnov YaV. *Folk Culture. A Philosophical and Anthropological Approach*. Moscow: Kanon + Publ., Rehabilitation Publ.; 2014:496 (in Russian).
17. Orus-ool SM. (ed.) *Tuvan heroic tales. Hunan-Kara, Boktug-Kirish, Bora-Sheeleei*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1997:584 (in Tuvan and Russian). (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 12)
18. Gatsak VM. (ed.) *Altai heroic tales: Ochi-Bala. Kan-Altyn*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1997:668 (in Altai and Russian). (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 15)
19. Korogly KhG. (ed.) *Khakas heroic epic: Ai-Khuuchin*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1997:479 (in Khakas and Russian). (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 16)
20. Chudoyakova AI. (ed.) *Shor heroic tales*. Moscow, Novosibirsk: Nauka Publ.; 1998:463 (in Shor and Russian). (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 17)
21. Tulokhonov MI. (ed.) *Buryat heroic epic. Alamzhi Mergen the Young and His Sister Agui Gokhon*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1991:312 (in Buriat and Russian). (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East)

22. Toporov VN. Numbers. In the: Tokarev SA. (ed.) *Myths of the peoples of the World*. Moscow: The Russian Encyclopedia Publ.; 1994:629–631 (in Russian).
23. Toporov VN. *The World Tree: Universal symbolic complexes*. Moscow: Manuscript monuments of Ancient Rus Publ.; 2010:496 (in Russian).
24. Radenkov L. The symbolism of numbers in the folk magic of the Southern Slavs. In: Akhmetova MV. (ed.) *Numbers in the system of culture*. Moscow: RGSU Publ. Center; 2012:56–85 (in Russian).
25. Funk DA. *Worlds of shamans and storytellers: a comprehensive study of Teleut and Shor materials*. Moscow: Nauka Publ.; 2005:398 (in Russian).
26. Lévy-Bruhl L. *Primitive thinking*. Moscow: Academic project Publ.; 2022:430 (in Russian).
27. Ivanov VV., Toporov VN. Slavic mythology. In the: Tokarev SA. (ed.) *Myths of the peoples of the World*. Moscow: The Russian Encyclopedia Publ.; 1994:450–456 (in Russian).
28. Zhukovskaya NL. *Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism: a study guide*. Moscow: Oriental literature Publ.; 2002:247 (in Russian).
29. Neklyudov SYu. *Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic*. Moscow: Indrik Publ.; 2019:592 (in Russian).
30. Burikin AA. Buddhist motifs in folklore (based on Kalmyk, Tuvan, and Buryat epic works and hero tales). *The new research Tuva*. 2020;(3):189–209 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>
31. Sadalova VM., Pashtakova TN. On the reflection of the common fund of Altai mythological images in the epic “Yangar”. *Khoomei and the cultural heritage of the peoples of Central Asia*. 2024;1(1):79–87 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/3034-1418-2024-1-79-87>
32. Mongush DA. (ed.) *Explanatory dictionary of the Tuvan language*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2003:596 (in Tuvan and Russian).
33. Mizhit EB. Tuvan traditional cosmology in the heroic epic. *The new research Tuva*. 2010;(1):149–172 (in Russian).

Об авторе

Ондар Менги Васильевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-8270-7071, Researcher ID: JYO-4633-2024, Scopus Author ID: 1052107, SPIN: 2307-9557, e-mail: mengi89@yandex.ru.

About the author

Mengi V. Ondar, Cand. Sci. (Philology), Researcher, Department of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-8270-7071, Researcher ID: JYO-4633-2024, Scopus Author ID: 1052107, SPIN: 2307-9557, e-mail: mengi89@yandex.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию 06.03.2025 / Submitted 06.03.2025

Принята к публикации 21.08.2025 / Accepted 21.08.2025